

СОДЕРЖАНИЕ

ТАТЬЯНА ЧЕРНИГОВСКАЯ

КАК ХОРОШО, ЧТО ЛЮДИ ДОМИКИ ПРИДУМАЛИ 11

ЕВГЕНИЙ ВОДОЛАЗКИН

ЧЕТВЕРТЫЙ ПРИЗНАК НАСТОЯЩЕЙ ЛЮБВИ 17

ЭМИР КУСТУРИЦА

“СЕГОДНЯ НОЧЬЮ МОЕ СЕРДЦЕ ПЛАЧЕТ...” 29

САША НИКОЛАЕНКО

ПЕС, ПОЛНЫЙ ЛЮБВИ 47

ЕЛЕНА КОЛИНА

БАЛОВНИ И ЛЮБИМЧИКИ 75

СЕРГЕЙ ШАРГУНОВ

ДЕНЬ НАВСЕГДА 105

АННА МАТВЕЕВА

БЛАГОДАТЬ 119

ШАХРИ АМИРХАНОВА

ПИСЬМО ОБ ОДНОЙ ОТКРЫТКЕ 153

ЕВГЕНИЯ НЕКРАСОВА

МОНСТРИХА 161

МАРИНА СТЕПНОВА

БАБУШКА 183

ДЕНИС ДРАГУНСКИЙ

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ В КАРЕТНОМ РЯДУ.....197

САТИ СПИВАКОВА

СЕРЕБРЯНЫЕ С ПОЗОЛОТОЙ... 227

АНДРЕЙ АСТВАЦАТУРОВ

ЖИРМУНСКИЕ 50 ЛЕТ СПУСТЯ 237

ДМИТРИЙ ДАНИЛОВ

БОГ СОХРАНЯЕТ ВСЁ 273

АЗАРИЙ ПЛИСЕЦКИЙ

РЕСНИЦА, ИЗМЕНИВШАЯ СУДЬБУ.....285

АЛЕКСЕЙ ВАРЛАМОВ

ГАЛАША 299

ТАТЬЯНА ТОЛСТАЯ

ИНФЕРНАЛЬНИЦА 323

ОБ АВТОРАХ 379

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Дорогие друзья!

Сегодня у вас в руках не просто книга. “Семейные обстоятельства” — это больше, чем сборник рассказов. Это приглашение в самый сокровенный уголок нашей жизни — в нашу семью.

У каждого из нас есть семейный архив. Он хранится не в альбомах, а в запомнившихся навсегда фразах, в аромате пирога, в потрепанной фотографии, в мелодии, которую напевал отец, в узелке на память, в котором есть ничего и всё. Авторы, чьи тексты собраны в этой книге, совершили удивительно смелый и щедрый поступок — они поделились с нами этим личным архивом. Они открыли дверь в свои “семейные обстоятельства”, которые, как оказывается, удивительным образом становятся и нашими.

Здесь вы не найдете сухих биографий или парадных портретов. Здесь — жизнь во всей ее сложности и одновременно простоте, тепле и уюте. Здесь будут забавные и нелепые истории, от которых на глаза наворачиваются слезы смеха. И будут моменты такой пронзительной тишины и грусти, что сердце забьется в унисон с сердцем автора.

Читая эти рассказы, мы будем вспоминать своих близких. Своих бабушек, чьи руки пахли пирогами и добротой. Своих отцов, которые казались нам титанами. Своих матерей, чья любовь — это воздух, которым мы дышали и дышим, даже не замечая этого. Своих детей, которые вернули нас к истокам.

Эта книга — мостик. Мостик между поколениями, между нашими личными историями. Она напоминает нам, что при всей нашей непохожести мы объединены главным: мы чьи-то дети, мы чьи-то родители, мы часть большего, и это большее называется семьей. И в этих “обстоятельствах” кроется наша главная сила.

Давайте позволим этим историям коснуться нашего сердца.

РУСЛАН АЛИСУЛТАНОВ

Председатель совета директоров
“Логика молока”

Счастлив тот, кто счастлив у себя дома.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

ТАТЬЯНА ЧЕРНИГОВСКАЯ

КАК ХОРОШО, ЧТО ЛЮДИ
ДОМИКИ ПРИДУМАЛИ

Серо-сиреневое осеннее небо, мне года три, и я иду с дедушкой смотреть на наводнение. Я, конечно, не знаю, что это, но огромная сильная и волнующаяся Нева меня удивляет. Вообще-то непонятно, что в чем отражается: они с небом одинаковые... сильный ветер...

Петербургские жители наводнений не боятся, а только и ждут... звонят друг другу и едут на Острова или на Стрелку Васильевского острова, надев плащи и резиновые сапоги... Разочаровываются, если затопило мало: мол, а в прошлые-то годы здесь вообще было не пройти...

Ничего этого я тогда не знала, но говорят, что, вернувшись домой, резюмировала: "Там так глубоко, что не только ножки, но и пальтишко замочить можно". А подумав, завершила: "Как хорошо, что люди домики придумали". Это лучшее, что я сказала в жизни. Мне кажется, я помню это и сама, хотя близкие рассказывали. Да, и пальто темно-бордовое, суконное, отделанное такой же кожей. Ума не приложу, как маме пришло в голову мне такое пальто заказать... замочить его прибывшей к нам с Суомщины водой было бы и правда жаль...

Много позже, в Америке, я пыталась понять, как люди живут, часто меняя места и не имея где-то пусть заросшего плющом (хоть и не из Лиги), но все же домашнего дома, терпеливо ждущего, когда в него вернуться хотя бы потомки.

На вопрос “Где вы живете?” люди отвечают с подспудными координатами “сейчас” и завтра ответят иначе, если так сложится... То есть нигде. Это жестко применил Набоков, так никогда и не заведший свой дом вне России (хотя Рождественно было, но в другом пространстве, куда живым хода нет). Дом должен где-то быть, и с его обитателями, неважно, хорошими ли. Реальный или запечатленный в ментальном и душевном мире (может, и более реальном, потому лучше по детским местам не бродить). Не зиготу же вспоминать, когда вдруг сплелись два рода...

Запах пекущихся куличей, маринующихся грибов, ландышей и сирени весной, голоса близких, которые так трудно вспомнить... где они все?

Бабушка, которой было бы (и есть) 125 лет, становится все ближе. Все больше скучаю по ней... В блокаду, живя на Невском, она натирала воском и полировала полы, а на стол ставила приборы, хотя ими нечего было есть. А ночами на крыше тушила “зажигалки”. Рассказала об этом как бы проходя, в конце жизни, просто вспомнила. Никогда никаких жалоб, осуждений, хотя революции, войны, репрессии, прошедшие за ее без трех месяцев вековую жизнь, давали для того богатую почву. Утешала, помогала, терпела. Святая.

Мой отец (ее сын) попал на войну после школы, был там страшно ранен, и, как потом, нескоро, выяснилось, бабушка в панике проснулась именно в этот момент. Старые деревянные часы на стене были свидетелями и необъяснимого внутреннего смятения, и рассказа о нем уже мне, много лет спустя.

После госпиталя моего будущего отца отправили в Грузию лечиться, перелили ему почти всю кровь, и он стал считать

ТАТЬЯНА ЧЕРНИГОВСКАЯ

себя грузином, оставаясь при этом человеком ангельского нрава.

Когда мне было пять лет, родители взяли меня в Грузию, и там папа отправился со мной на базар, запах которого не сравним ни с чем. Он подошел к весьма колоритному человеку, торговавшему вином, и бочка была гигантская (возможно, по сравнению со мной). Взяв стакан с темным густым вином, он сказал мне:

— Попробуй, это вино называется ХВАНЧКАРА, запомни.

С тех пор и помню.

ЕВГЕНИЙ ВОДОЛАЗКИН

ЧЕТВЕРТЫЙ ПРИЗНАК
НАСТОЯЩЕЙ ЛЮБВИ

Много лун тому назад, когда я учился в университете, случилось мне сдавать экзамен по марксистско-ленинской этике. Какая она, марксистско-ленинская этика, я понятия не имел, так что к экзамену необходимо было подготовиться. Для начала я старался подавить в себе раздражение: вместо чтения Бахтина и Проппа нужно было тратить время на это фуфло. Основоположников марксизма-ленинизма я не любил пламенно, но желание продолжить учебу в университете брало свое: я открывал учебник — и тащил себя за шиворот от страницы к странице.

Так вот, в учебнике по марксистско-ленинской этике я наткнулся на примечательную главу: “Настоящая любовь”. Вслед за несколькими суконными фразами следовало выделенное жирным шрифтом название параграфа: “Признаки настоящей любви”. Их было четыре. Первых трех хоть убей не помню, но четвертый звучал так: “Желание вступить в брак”.

Надо сказать, что такое желание в юном возрасте я испытывал с редкой регулярностью. Первый мой брачный договор я заключил в шесть лет. Он носил предварительный характер и относился к тому времени, когда меня и мою избранницу Надю признали бы готовыми к данному шагу. Не имея полной информации о протекании брака, в глубине души я был уверен, что к нему готов. И хотя я испытывал

смутное волнение, когда мы с Надей качались в гамаке, представления мои о жизни в браке были вполне невинны. Впоследствии, знакомясь с биографией Генриха Шлимана, я узнал, что подобные же платонические чувства он испытывал в детстве к девочке Минне. Правда, Генриху было тогда уже девять лет и что он знал о браке, осталось неясным.

Достигнув совершеннолетия, отношения к бракосочетанию я не изменил. Подсознательно был готов сочетаться законным браком с любой из моих тогдашних подружек. Объяснялось это, как я сейчас понимаю, жадной взросления. Штамп в паспорте казался мне его, взросления, документальным подтверждением. Впрочем, дело всякий раз срывалось. Это входило в непримиримое противоречие с четвертым пунктом “признаков настоящей любви”, в ту пору мне еще неведомых: желание вступить в брак было, но любовь оказывалась ненастоящей.

Чему учила меня окружающая действительность? Уроки ее были разными, но в большинстве своем — довольно грустными. Мой прадед, директор гимназии в Петербурге, в 1918 году подрядил человека отвезти свою семью в Киев, а сам отправился добровольцем в Белую армию. Это могло бы стать хорошей иллюстрацией к проблеме выбора между общественным и личным — если бы не дополнительные краски, лишаящие картинку патетики: семью мой прадед отправил к своей любовнице, располагавшей имением под Киевом.

Когда-то меня изумляло, что директор гимназии оказался способен на такой фортель, но сейчас я подозреваю, что все было вызвано не только монархическими убеждениями предка, но и некоторой запутанностью его отношений с да-

мами. В каком-то смысле начавшаяся война решала не только вопросы мировой истории, но и его личные.

Да и не только его. Из важных для меня последствий: семья осталась жить в Киеве, что в конечном счете позволило родиться в Киеве и мне. Примечательно, что мой пассионарный предок впоследствии ушел из семьи. Свидетельства о дальнейшей его жизни минимальны и ограничиваются, по сути, фотографией старца, сидящего с двумя сыновьями — близнецами лет шести.

Не лучше выглядит и история моего деда, прожившего с бабушкой 30 лет и ушедшего к женщине на 25 лет моложе. Случилось это с ним, как и с прадедом, в послевоенное время, при этом на войну (Великую Отечественную) он также ушел добровольцем. Дед проявил неожиданную предусмотрительность — и в течение нескольких лет тайно строил с дамой сердца кооператив. Бдительная общественность сигнализировала об этом бабушке, и она хотела его выгнать. Но ее удерживала мать — моя прабабка, оставленная прадедом.

— Не торопись, — говорила она дочери. — Может, он еще одумается.

Он не одумался. У бабушки был шанс его задержать, но она им не воспользовалась. Дед был членом партии. Трясаясь от страха, он приехал к бабушке на дачу и сказал: “Тебя вызывают на партком. Что ты там будешь говорить?” Не вступая в долгие переговоры, бабушка послала к чертям его, партком, а заодно и всю партию.

У деда отлегло от сердца. Поняв, что главная угроза миновала, он сказал, что они могут продолжать дружить, как дружил со своей бывшей женой скульптор Антокольский.

Бабушка повторила свое проклятие, включив в него и скульптора Антокольского, ничего ей плохого не сделавшего.

Могут сказать: даже если бы дед остался (а он бы, думаю, остался) в семье, это была бы уже не та жизнь. Такой поворот событий не стал бы, так сказать, хеппи-эндом. А я так думаю, что стал бы, потому что знаю такие примеры. Дед бы поругался, побухтел — и успокоился, и это стало бы одним из добрых дел партии, у которой этих самых дел было мало.

Отсутствие партийной оценки моего деда-партийца не исключало, однако, оценки внутри семьи. Мать моя, будучи совсем юной, продолжала встречаться со своим отцом, который, надо сказать, помогал ей деньгами. Но ее сестра, девятью годами старше, моя тетя, в день его ухода сказала: “Он для меня больше не существует”. Слов тетя на ветер не бросала: больше они с отцом не встречались. Спустя десятилетия, когда дед был уже старым и больным, она привезла ему из-за границы дефицитное лекарство. Передала с одним условием: сказать ему, что она делает это не для отца, а для чужого человека, попавшего в беду. Помню, как мы с матерью везли это лекарство деду. Он взял упаковку со словами горячей благодарности, и тут моя мать, будучи человеком обязательным, произнесла сопроводительные слова. Помню дрожащие губы деда и его кривую улыбку. Она была хуже самых горьких слез.

Вспомню еще одну супружескую пару. Наблюдать ее мне довелось в коммуналке, где я жил до шестнадцати лет. Дядя Ваня и тетя Катя. Дядя Ваня (Чеховым здесь и не пахло) работал на каком-то заводе — и в будние дни в семь утра за ним с лязгом захлопывалась входная дверь. После работы и в выходные он делил время между потреблением алкоголя

и беседами во дворе. Пил он всегда один и с общественностью встречался уже сильно подогретым.

Помню его негнущиеся мозолистые пальцы. В правой руке, прижатые мизинцем и безымянным, постоянно находились спички. Время от времени они извлекались оттуда, когда дядя Ваня поджигал свой “Беломор”, и сразу же возвращались на место. Единственным исключением здесь были кости домино — только ради них дядя Ваня расставался с коробком. Играл неторопливо, мощно припечатывая костяшки — с тем особым звуком, ради которого домино, собственно, и существует. Все делал неторопливо: подавал руку пришедшим, поучал молодежь.

— Женька, поди сюда, — говорил он, заметив меня во дворе. — Была одна брошюрка: “Что такое хорошо и что такое плохо”. Так вот, там крошка сын к отцу пришел...

Автора брошюрки не помнил, да и содержание ее представляло у него в очень вольном пересказе. Когда людей собиралось много, дядя Ваня делился военными воспоминаниями. Над столом во дворе горела лампочка, и в ее свете поднимались махорочные дымы, таявшие где-то среди узких листьев маслины.

Рассказы дяди Вани начинались с того, что он шел в первых рядах. Катерина, выходявшая, бывало, вслед за мужем, опровергала такие заявления, говоря, что тех, кто шел в первых рядах, уже нет. Если в этот момент она находилась в зоне досягаемости, на нее обрушивался тяжелый кулак дяди Вани, если же нет — ее накрывал раскатистый дяди-Ванин мат.

Ночью он нередко выгонял жену из комнаты, и все слышали ее сдавленное: “Ваня, открой!” В ответ раздавалось